

Е.Д. Коробихина (Москва, Россия)

Отношения писателей в эмигрантской среде: И.А. Бродский и А.И. Солженицын

Аннотация: В статье представлена информация об особенностях отношений Иосифа Бродского и Александра Солженицына, их взаимные оценки творчества и личностей друг друга, исследуется эмоциональная сторона их высказываний друг о друге. Анализируется негативная оценка поэзии Бродского в эссе А.И. Солженицына «Иосиф Бродский – избранные стихи» и мнения литературоведов о критических высказываниях Солженицына в адрес поэта.

Ключевые слова: эмиграция, Иосиф Бродский, Александр Солженицын, «Иосиф Бродский – избранные стихи»

E.D. Korobikhina (Moscow, Russia)

Relations Writers in Expat Environment: Joseph Brodsky and Aleksandr Solzhenitsyn

Abstract: The article deals with peculiarities of Josiph Brodsky – Alesander Solzhenitsyn emotional assessments on each other creativity and personalities of each other, explores the emotional side of their statements about each other. In this connection the Aleksander Solzhenitsyn essay on Josiph Brodsky's poems is analyzed.

Key words: emigration, Brodsky and Alexander Solzhenitsyn, “Joseph Brodsky – Selected Poems”

Иосиф Александрович Бродский и Александр Исаевич Солженицын – писатели третьей волны эмиграции. Бродский был выслан из страны в 1972 г., а Солженицын двумя годами позднее, в 1974 г. Эти литературные титаны во многом были похожи. Им одинаково претил советский политический режим, но оба они любили свою страну. Но лишь Солженицыну посчастливилось вернуться на родину.

Отношения писателей в эмигрантской среде часто оставляли желать лучшего. Писатели первой и второй волны эмиграции не принимали третью волну, считали образ мыслей новоприбывших насквозь советским. Но удивительно и то, что вдали от родной земли товарищи по несчастью так же оставались холодны друг к другу, отношения их были натянутыми или откровенно враждебными. Однако связь замечательного поэта и выдающегося прозаика не может быть оценена однозначно.

В 2010 г. в печать вышла последняя книга, подготовленная Л.В. Лосевым, – «Солженицын и Бродский как соседи». Это сборник статей, эссе, мемуарных очерков – текстов различных жанров, рассказывающих о разных людях. Одноименная статья занимает в книге всего 15 страниц. Этого объема текста Лосеву хватило, чтобы дать краткую характеристику отношениям двух художников. В 1977 г. Бродский получил письмо от Солженицына (текст которого приводится в статье Л. Лосева), написанное писателем в ответ на приглашение Бродского приехать в Мичиганский университет на церемонию выпускного празднования. Солженицын признается, что восхищается «мастерством» поэта, не пропускает «ни в одном журнале» его стихов, но при этом отмечает, что Бродский «как бы в чем-то разрушает стих» [Лосев 2010: 365]. Лосев замечает, что «смысл упрека Солженицына состоял в том, что поэзия и поэтика Бродского способствуют возрастанию хаоса» [Лосев 2010: 363]. Лосев сравнивает письмо Солженицына Бродскому с похожим письмом Горького Пастернаку: «Иногда я горестно чувствую, что хаос мира одолевает силу вашего творчества и отражается в нем именно только как хаос, дисгармонично» [Лосев 2010: 363]. Суть претензий Горького и Солженицына типологически похожа. Это упрек литературных «отцов» в адрес литературных «детей». Однако Лосев замечает, что подобные отношения были односторонними: дети отцов как раз понимали.

И Л. Лосев, и И. Ефимов, и Л. Штерн, анализируя эссе Солженицына «Иосиф Бродский – избранные стихи» (Новый мир. 1999. № 12), отмечают в нем множество неточностей в оценках автором лирики Бродского. Стоит сказать, что в литературоведческой среде оно действительно вызвало бурю негодований. Лосев замечает промахи в комментировании Солженицыным сборника стихотворений «Часть речи». Писатель утверждает, что стихи в сборнике расположены не хронологически, хотя, напротив, перестановки стихотворений в сборнике крайне редки и часто вызваны стремлением Бродского «тематически организовать циклы» [Солженицын 1999: 180]. Далее прозаик с характерным раздражением указывает на то, что «ирония как манера взгляда на мир стала общей модой» [Там же: 181], и эта мода, конечно же, коснулась Бродского. И не просто коснулась, но запретила поэту проявление всякой романтичности, лиричности; в качестве примера Солженицын приводит «Двадцать сонетов Марии Стюарт» – вполне романтический любовный сюжет. Бродский, по мнению Солженицына, и здесь ироничен, рассудочен и нелиричен. Но Лосев справедливо отсылает нас к традиции А.С. Пушкина, а именно к роману «Евгений Онегин», где неразрывно соседствуют ирония и лиризм.

И. Ефимов в статье «Солженицын читает Бродского» сравнивает отношение прозаика к поэту с отрицанием Л. Толстым пьес Шекспира («самое низменное, пошлое мирозерцание») и высказываниями Вл. Соловьева о Лермонтове («павший человек, поддавшийся дьявольским соблазнам гордыни») [Мир И. Бродского 2003: 399]. Автор статьи акцентирует многоплановость оценок поэта Солженицыным, от похвалы до осуждения, но и не отрицает, что основной его тон балансирует на грани раздражения и разочарования. Последователи и поклонники творчества Бродского, в том числе и в литературоведческой среде, не находят отклика в своем сердце на отзыв Солженицына и даже ополчаются против автора.

Солженицын, по словам И. Ефимова, хоть и отмечает красоту и богатство образов, хвалит знаменитую «Большую элегию Джону Донну», но все же обращает внимание на сухость поэзии Бродского, ее рассудочность и немзыкальную природу, с чем любители творчества ленинградца-эмигранта согласиться не могут. Солженицын пишет: «Музыкальности – во множестве его стихов никак не

найти, не услышать... скорей – звуковое однообразие» [Солженицын 1999: 181]. Также звучит упрек в том, что поэт не мог совладать с хаосом повседневности и решил его приумножить. И в связи с этим Солженицын делает вывод: «Нельзя не пожалеть его (Иосифа Бродского. – *Е.К.*)» [Там же: 181]. Но стоит ли жалеть? По мнению И. Ефимова, Солженицыну надлежало точнее понять поэта. Автор статьи комментирует каждую претензию писателя с точки зрения времени и обстоятельств, исторических реалий, мировоззрения поэта. Говоря об иронии, которую Солженицын у Бродского не принимает в «Двадцати сонетах Марии Стюарт», Ефимов отмечает, что во времена Пушкина (но, очевидно ведь, и во времена Бродского) «полное отсутствие иронии было главным свойством тех, кто распоряжался нашей жизнью, а потому любой проблиск ее ощущался как знак душевного освобождения» [Мир И. Бродского 2003: 400]. И никто другой как Солженицын, глубоко изучающий историю, имеющий с властью такой же, если не больший, конфликт, как и Бродский, должен был, на мой взгляд, глубину и красоту этой иронии осознать и прочувствовать.

Солженицын с неудовольствием замечает, что Бродский, «будучи в СССР, не высказал ни одного весомого политического суждения» [Солженицын 1999: 182]. Прозаик много говорит о космополитизме поэта, утверждает, что «Запад Бродскому люб» [Там же: 184].

Кроме того, Солженицын позволяет себе пренебрежительно высказываться в адрес религиозного чувства поэта. Он считает, что религиозность Бродского поверхностна, слаба и пребывает в состоянии зачаточном. Ефимов в споре с этим приводит в пример массу стихотворений Бродского, прямо связанных с метафизикой, с верой в сверхъестественное, свидетельствующих о важности для поэта христианской морали («Большая элегия Джону Донну», «Остановка в пустыне», «Авраам и Исаак» и множество других стихотворений). В творчестве же Солженицына, в жизни которого христианство играло значительную роль, мы едва ли найдем произведения, целиком посвященные теме христианства и Богу. Бродский же писал о Боге всегда. Странно и то, что Солженицын, который вел затворнический образ жизни, не стремился к публичности, осуждал Бродского «за гордыню одиночества, крайний индивидуализм» [Там же: 182], хотя у поэта был широкий круг общения, он часто был окружен друзьями.

Л. Штерн в своей статье «Гигант против Титана, или “Изжажданное окунание в хляби языка”» поражается тональности эссе Солженицына и отмечает множество придинок, недоброжелательность в отношении к поэту. «Гигант» прозы предьявляет «титану» поэзии высочайший счет, упрекая того в невозможности привести в мир начала добра, улучшить и изменить мир.

Никаких встреч между писателями не было, несмотря на то что жили они не так далеко друг от друга, да и факта продолжения переписки ничто не подтверждает. Однако письмо Солженицына Бродскому, его же критическое эссе о поэзии оппонента, а также интервью поэта свидетельствуют об эволюции их отношений друг к другу.

Обратимся же к суждениям Бродского о Солженицыне. В интервью Джайлу Хэнлону 1978 г. для «The Iowa Review» Бродский называет Солженицына «одним из величайших и отважных людей этого (XX. – *Е.К.*) столетия», признается, что «гордится тем, что пишет с ним на одном языке» [Полухина 2000: 50]. Бродский в данном интервью выражает несогласие с утверждением некоторых литературных критиков, будто Солженицын как художник слаб, подчеркивая, что его творчество нельзя оценивать исходя из «эстетических представлений, унаследованных из

литературы девятнадцатого века». Бродский указывает на изначальную устремленность прозаика – «рассказать историю» [Там же: 50]. Подводя итог своей пламенной речи о Солженицыне, поэт заключает: «Я думаю, что советская система получила своего Гомера в случае с Солженицыным».

Однако к 1990-м гг. мнение поэта о своем оппоненте становится сложнее, в частности, Бродский не принимает откровенных высказываний Солженицына о политике, в которых тот предельно открыто выражает свои взгляды: «То, что говорит Солженицын, – монструозная бредятина. Как политик он полный нуль» [Там же: 690]. В интервью Адаму Михнику 1995 г., ставшем одним из последних для поэта, Бродский заметил, что писатель должен создавать литературу, а не лезть в политические дебри. Бродский остро высказался в адрес Солженицына в связи со стремлением прозаика всюду высказывать свои политические убеждения: «Если поднести микрофон Солженицыну, он выложит тебе всю свою философию. Думаю, что это колоссальный моветон. Дело писателя – создавать художественную литературу для развлечения общественности» [Бродский 2001]. Подобное утверждение в устах Бродского звучит несколько неожиданно, даже несерьезно. Такого рода высказывания для поэта были нехарактерны, но в данной фразе просматривается установка на постмодернистское отношение к литературе, к художественному слову. Тут же на ум приходят слова известного писателя-постмодерниста Владимира Сорокина: «Литература – это мертвый мир, буквы на бумаге». Вспоминается и фраза из интервью Юрия Буйды: «Литература никому ничему не учит». Такие суждения писатели стали высказывать в последние тридцать лет. Бродский, вероятно, был подхвачен волной постмодернистского «нигилизма», в то время как Солженицын воспринимал литературу как важнейший инструмент воспитания народа. Бродский замечает, что писатель должен «писать книги, а не лезть на трибуну» [Там же]. Однако, несмотря на резко критические высказывания, Бродский не перестал считать Солженицына выдающимся, гениальным писателем. И даже в упомянутом интервью Бродский говорит: «Солженицын – прекрасный писатель» [Там же]. Однако появляются некоторые оговорки, касающиеся стиля и языка выдающегося прозаика. Возможно, посмеиваясь над характерным для Солженицына использованием просторечных слов, Бродский замечает: «Когда он стал великим писателем, он понял, что ему должна быть присуща своя собственная литературная манера. У него ее не было, и он поставил задачу ее создать. Стал использовать словарь Даля» [Там же]. Кроме того, Бродский считал, что прием «киноглаза» Солженицын «позаимствовал» у Доса Пасоса.

Однако, по воспоминаниям Лосева, поэт считал «Архипелаг ГУЛАГ» выдающимся произведением, достойным считаться истинным эпосом. Как и «Илиаду», например, его можно читать с середины, начала, конца – и смысл останется ясным. В эссе «Катастрофы в воздухе» поэт выстраивает иерархию прозаиков. Первое место для Бродского всегда занимал А. Платонов, а уж после него был Солженицын. И пусть не на первом месте, но творчество оппонента Бродский ставил довольно высоко, выше Замятина, Бунина, Булгакова, и это уже существенная оценка писательских достоинств Солженицына. Ведь, по свидетельствам Лосева, Бродский в своих оценках всегда был абсолютно чистосердечен.

На основании интервью Бродского разных лет и одного эссе Солженицына можно судить о странной, постепенно нарастающей неприязни между двумя крупными художниками третьей волны эмиграции. Неприятие стихов Бродского у Солженицына происходит из непонимания поэта, его приемов, писатель

не стремится почувствовать сердцем всю полноту художественного чувства, вкладываемого поэтом в его творения. Неприятие Солженицына имеет странное происхождение, оценки его неоднозначны и противоречивы, и, скорее, всего здесь остро стоит вопрос поэтического вкуса. Думается, некоторые стихи Бродского не вызывали отклика в сердце писателя, недостаточно удовлетворяли его предпочтения и ожидания, да и разница политических позиций тоже играла в их отношениях значительную роль. Бродский же, очевидно, понимал значимость творчества Солженицына и даже во многом считал его произведения гениальными, в особенности «Архипелаг ГУЛАГ». Однако сама личность прозаика, его острый интерес к политической жизни, а в особенности стремление декларировать свою политическую позицию Бродскому казалось недопустимым. По мнению поэта, писатель в первую очередь творец, а не политик и не государственный деятель. Писатель должен творить, дарить радость или давать почву для размышлений, а не пропагандировать свои принципы и не заниматься воспитанием читателя. И все же Бродский и Солженицын – два великих писателя XX в. Оба они заслуживают высочайшей оценки творчества, уважения и внимания. И, может быть, если бы состоялась их встреча, то отношения могли бы стать значительно теплее.

ЛИТЕРАТУРА

Бродский И. Интервью Адаму Михнику. Чаще всего в жизни я руководствуюсь нюхом, слухом и зрением... // Старое литературное обозрение. 2001. № 2(278): magazines.russ.ru/slo/2001/2/mihn.html

Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 702 с.

Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 608 с.

Мир И. Бродского. Путеводитель. Сборник статей. СПб.: Звезда, 2003. 446 с.

Солженицын А.И. Иосиф Бродский – избранные стихи // Новый мир. 1999. № 12. С. 180–194.

REFERENCES

Brodsky J. Interview with Adam Mikhnik. Most Often in my Life I am Guided by a Sense of Smell, Hearing and Vision... *Staroe Literaturnoe Obozrenie*. 2001. No 2 (278): magazines.russ.ru/slo/2001/2/mihn.html

Losev L.V. (2010) Solzhenitsyn and Brodsky as Neighbors. St. Petersburg. Izdatelstvo Ivana Limbaha Publ. 608 p.

Polukhina V. (2000) Joseph Brodsky. Great Book Interview. Moscow. Zakharov Publ. 702 p.

Solzhenitsyn A.I. Joseph Brodsky – Selected Verses. *Novy Mir*. 1999. No 12, pp. 180–194.

The World of I. Brodsky. Guide. Digest of Articles. St. Petersburg. Zvezda Publ. 2003. 446 p.

Сведения об авторе:

Елизавета Денисовна Коробихина,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta D. Korobikhina,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lisbetsale@mail.ru